

РАЗСУЖДЕНІЕ

О Поэзіи древнихъ Евреевъ (*).

Протоіерея Афанасія Могилевскаго.

Многіе знаменитые Писатели несогласны въ мнѣніяхъ своихъ о Еврейской Поэзіи, а сіе самое привело въ странныя заблужденія тѣхъ, кои послѣдовали имъ, разсуждая о сей матеріи. Іосифъ на многихъ мѣстахъ своей Исторіи утвердительно говоритъ, что Моисеева пѣснь состоитъ изъ стиховъ героическихъ. Оригенъ и Евсевій придерживались тогожъ мнѣнія. Но Іеронимъ кромѣ сего спарается еще увѣрить, что Псалтирь написана стихами Ямбическими, Алкаическими и Сафическими, подобно стихамъ Пиндара, Горация и Сафо, и что нѣкоторые пѣсни впорозаконія, Исаи, книга Іова и пѣсни Соломоновы составлены изъ Гекзаметровъ и Пентаметровъ. Въ псалмахъ 118 и 144, по мнѣнію его находящіяся стихи Ямбическіе четверестопные; на противъ во 110 и 111 Ямбическіе шрестопные. Въ плачъ Іереміевомъ примѣчаетъ онъ родъ стиховъ Сафическихъ.

(*) Сіе разсужденіе извлечено изъ разныхъ комментаріевъ на книги ветхаго завіша.

ческихъ. Такъ же въ предисловіи своемъ на книгу Іова говоритъ, что начиная съ сихъ словъ, *да погибнетъ день, въ онъ же родихся*; продолжаются стихи шестистишные, со-
ставленные изъ Дактилей и Спондеевъ, куда часшію входятъ другія стопы различнаго числа слоговъ. Въ другомъ мѣстѣ книгу псалмовъ называетъ онъ сочиненіемъ, принадлежащимъ къ роду Лирической Поэзіи, такъ какъ произведенія Пиндара, Горация и Капулла.

Но, не смотря на великую славу и глубокую ученость сего Писателя, люди, довольно знающіе Еврейскій языкъ, ни въ Псалмахъ, ни въ другихъ священныхъ книгахъ совсѣмъ не находятъ стопъ, мѣръ и родовъ Поэзіи, о коихъ онъ говоритъ. Самые ревностнѣйшіе защитники Іеронимова мнѣнія не могли ничего другаго сказать въ его оправданіе, кромѣ того, что онъ находилъ въ Псалмахъ и въ книгѣ Іова не настоящія Гексаметры и Пентаметры, или стихи Лирическіе, которые имѣли бы тѣже стопы и мѣру, какъ стихи Горация, Пиндара и другихъ; но только вѣщо подобное тому.

Ученый Скалигеръ признается, что при всемъ вниманіи, какое онъ обращалъ на Псалмы и книгу Іова, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда стопосложенія. По чему за несумнительное полагаетъ, что языкъ Еврейскій, равно какъ Сирійскій, Арабскій и Абиссинскій не терпятъ никакого принужденія мѣры.

Мнѣніе Скалигера подтверждають многіе ученые крипики, какъ то: Каппель, Марши-

ній, Воглей, Васмуть, Пфейферъ, Гроцій и Августинъ Евгубійскій. Сей послѣдній прямо изъясняется, что Евреи не имѣють никакой мѣры, подобной стопамъ Греческихъ и Латинскихъ стиховъ. Въ пѣсняхъ ихъ находящіяся нѣкоторыя паденія, различествующія отъ обыкновеннаго печенія рѣчи прозаической, такъ же нѣкоторыя выраженія и фигуры, показывающія болѣе возвышенія и силы, нежели простая рѣчь. Такая Поэзія, по мнѣнію его, естественнѣе, величественнѣе и болѣе пристойна важности Еврейской Религіи, нежели Поэзія, ограниченная мѣрою и правилами, и мало способная выражать свободно высокія вдохновенія Духа Божественнаго.

Гомаръ въ книгѣ своей, подъ названіемъ Давидова лира, старается доказать, что стихи священныхъ книгъ весьма сходствуютъ съ стихами Греческими и Латинскими. На семъ предположеніи онъ приводитъ Еврейскую Поэзію въ правила, означаетъ стопы и опредѣляетъ роды стиховъ. Его книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой предложены правила, относително къ количеству слоговъ и различнымъ родамъ стопъ, по сравненію оныхъ съ стихами Греческими и Латинскими; а во второй онъ дѣлаетъ приспособленіе своихъ правилъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ Св. Писанія. Сіе сочиненіе Гомара сперва отъ многихъ ученыхъ принято съ великою похвалою; но на послѣдокъ Каппель опровергнулъ оное совершенно.

Сей разумный криптикъ говоритъ, что Гомаръ полагаетъ во основаніе своего мнѣнія

такія начала, копорыя весьма трудно дока-
зашь. Во первыхъ, раздѣленіе списховъ Библей-
скихъ, какое теперь мы имѣемъ, сдѣлано ли
самыми Писателями священныхъ книгъ, или
оно есть изобрѣшеніе новѣйшихъ временъ?
Во вторыхъ, текстъ Св. Писанія дѣйстви-
тельно ли не потерпѣлъ никакого измѣненія
или отъ небрежности переписчиковъ, либо
отъ древности времени?

Между прочимъ Гомаръ пріемлетъ за пра-
вило, что *scheva* не есть гласная буква, но
только знакъ опущенія гласной при согласной
измѣняемой. Каппель опровергаетъ сіе правило,
основываясь на общемъ мнѣніи лучшихъ Еврей-
скихъ Грамматики, кои утверждаютъ, что
scheva есть дѣйствительно гласная буква
крашкая: въ противномъ же случаѣ языкъ
Еврейскій былъ бы приведенъ въ невозмож-
ность имѣть удобное произношеніе; а при-
томъ должно бы было множество такихъ ре-
ченій, кои дѣйствительно имѣютъ въ себѣ
при слога, превращающъ въ реченія двуслож-
ныя. На конецъ Каппель замѣчаетъ, что тамъ,
гдѣ мы произносимъ *scheva*, древніе, какъ по
семдесяти Переводчиковъ и Иеронимъ разу-
мѣли иногда одну, а иногда другую букву
гласную; а сіе самое служило доказатель-
ствомъ, что не лзя, по примѣру Гомара,
опредѣлить постоянное правила для такой
буквы, копорую во многихъ случаяхъ должно
произносить различно.

Другое правило, принятое Гомаромъ, со-
стоитъ въ томъ, что въ Еврейскомъ языкѣ

находятся только долгіе и краткіе слоги; но общихъ или произвольныхъ со всѣмъ нѣтъ, и что краткіе слоги никогда не дѣлаются долгими по положенію, какъ то бываесть въ стихахъ Греческихъ и Латинскихъ. По случаю сего правила Каппель даесть видѣть, что ежели бы Еврейскій языкъ уподоблялся нѣкоторымъ Европейскимъ языкамъ, гдѣ въ составленіи стиховъ долгіе и краткіе слоги употребляются произвольно; въ такомъ случаѣ правило Гомара могло бы имѣть мѣсто. Но поелику онъ сравниваетъ его съ Греческимъ и Латинскимъ, и Еврейское стихосложение основываетъ на тѣхъ же законахъ; то весьма явно самъ себѣ противорѣчитъ. Сверхъ того всѣ приспособленія Библейскихъ мѣстъ, сдѣланныя имъ къ своей Системѣ, весьма неудачны. Его стихи текутъ худо и со всѣмъ неудобны къ произношенію. И пакъ, по мнѣнію сего Критика, не возможно дать правилъ Еврейской Поэзіи, судя по малымъ и смѣшаннымъ опрывкамъ; равно какъ не могли бы мы имѣть совершеннаго понятія о стихахъ Греческихъ и Латинскихъ, когда бы не дошли къ намъ цѣлыя сочиненія въ стихахъ всякаго рода. Слѣдовательно когда Авторъ Давидовой Лиры говоритъ, что стихи, усматриваемые имъ въ Св. Писаніи, весьма между собою различны и перемѣшаны пакъ, что одинъ другому не соотвѣствуетъ ни мѣрою, ни родомъ; то онъ самъ разрушаетъ симъ все основаніе своего сочиненія. Поелику не лзя постановить твердыхъ правилъ для Поэзіи сколько произвольной и неправильной.

Другая не меньше спорная система Еврейской Поэзии предложена Авторомъ всеобщей Библиотеки. Онъ старается увѣрить, что Еврейскіе стихи должны имѣть риѣму; и вотъ его основанія: 1) Языкъ Еврейскій, подобно какъ и Французскій, не пріемлетъ сего размѣщенія словъ, которое Греки и Римляне употребляютъ въ своихъ стихахъ и въ прозѣ. 2) Имена въ Еврейскомъ языкѣ не перемѣняютъ своего окончанія во всѣхъ падежахъ обѣихъ чиселъ, и оканчиваются въ мужескомъ родѣ на *im*, а въ женскомъ на *oth*; сіе самое дѣлаетъ легкою риѣму, и вмѣстѣ предспавляетъ спрудность приводить въ опредѣленную мѣру стихи, по подобію Греческихъ и Латинскихъ. 3) Еврейскій языкъ имѣетъ гораздо большее число долгихъ, нежели короткихъ слоговъ; слѣдовательно въ ономъ весьма спрудно составлять разные споны, приличныя нѣкоторымъ родамъ стиховъ Греческихъ и Латинскихъ. Чтожъ касается до риѣмъ, то оными шакъ обилень сей языкъ, что пишущему почти не можно не дѣлать оныхъ. 4) Авторъ сей системы не имѣетъ намѣренія доказывать, чтобы Поэзія древнихъ Евреевъ была довольно правильная и довольно обработанная; онъ даже не вѣритъ, чтобы она у нихъ была когда либо искусствомъ. Риѣмы ихъ, по его мнѣнію, не всегда удачны, а въ нѣкоторыхъ стихахъ и со всѣмъ оныхъ не видно; изъ чего и заключаешь, что они мало заботились о риѣмѣ, и довольствовались только однимъ сходствомъ паденія. 5) Число риѣмъ вездѣ безъ правилъ и порядка: иногда

находясь много одинакихъ, и между шѣмъ очень мало другаго рода. Мѣра стиховъ еще меньше правильна, такъ что кажется они не наблюдали никакой мѣры. 6) Въ стихахъ Евреевъ употребляются многія вольности, подобно какъ въ стихахъ Латинскихъ и Греческихъ; сверхъ того они занимаютъ еще термины и обороты изъ иностранныхъ сосѣдственныхъ нарѣчій, какъ то, изъ языковъ Халдейскаго и Арабскаго; а особливо дѣлаютъ сіе въ нѣхъ случаяхъ, когда термины Еврейскіе не представляютъ собою риемы, между шѣмъ какъ въ словахъ и оборотахъ рѣчи иностранныхъ находятъ оную легко. 7) Всѣ Пійшическія мѣста священнаго писанія очень легко можно привести въ риемы.

Такимъ образомъ сей Авторъ сдѣлалъ опытъ надъ пѣснію Мойсеевою, которую переложилъ въ стихи съ риемами; но въ сихъ его стихахъ не лѣзя найти ни правилъ, ни соразмѣрности. Иногда онъ прерываетъ, иногда растягиваетъ, а иногда сокращаетъ Еврейскіе фразы по собственному произволенію такъ, что ежели слѣдовать его методу, то всѣ Цицероновы рѣчи можно привести въ риемы.

Не лѣзя отрицать того, что бы въ Пійшическихъ Библейскихъ мѣстахъ не было риемъ, и даже, по видимому, съ намѣреніемъ приисканныхъ: но изъ сего не слѣдуетъ еще, что бы Еврейскіе стихи были непременно въ риемахъ. Дабы увѣрился въ семъ, должно взять въ разсмотрѣніе шакіе стихи, коихъ окончаніе было бы совершенно извѣстно, и о коихъ бы

не можно сумнишься, что они прерваны произвольно и не въ надлежащихъ мѣстахъ. На примѣръ, псаломъ 118 представляетъ Акроспихъ; слѣдовательно въ немъ начало и конецъ каждаго стиха извѣстны. Сей псаломъ очень длиненъ, и свойство его стиховъ безъ всякаго труда замѣшны можно, сравнивая одни съ другими. Здѣсь хотя находится довольно число риемъ, но совсѣмъ невидно того, что бы онѣ были приисканы и искусственны; поелику между ними нѣтъ ни порядка, ни единообразія. Въ иномъ мѣстѣ четыре или пять риемъ идутъ послѣдовательно, въ иномъ, двѣ или три, въ другомъ три или четыре сряду совсѣмъ безъ риемъ; а иногда одинъ самъ по себѣ стихъ съ риемою, которому никакой другой не соотносится. И такъ, можноли такое сочиненіе называть стихами въ риемахъ? Плачь Іеремѣевъ такъ же написанъ Акроспихіями, гдѣ въ нѣкоторыхъ главахъ каждый стихъ начинается одною изъ буквъ по алфавитному порядку, но и здѣсь находится такой же безпорядокъ и разнообразіе въ риемахъ. Изъ сего справедливо можно заключить, что ежели въ Еврейскихъ стихахъ встрѣчаются иногда двѣ или болѣе риемъ рядомъ; то сіе произошло по одной удачѣ и случайно, а не по искусству и съ намѣреніемъ. Пѣсни пѣсней служатъ новымъ доказательствомъ сего заключенія. Ибо и въ нихъ, хотя есть по мѣстамъ риемы и нѣкоторыя пріятныя паденія, но они не единообразны и разбросаны безъ всякаго послѣдовательнаго порядка.

Сверхъ того можно замѣнить, что Еврейскіе стихи долгопы весьма различной. Ибо стихи Псалма 118 и прерѣей главы Плача Іеремѣева вдвое длиннѣе, нежели стихи 110 и 111. псалмовъ. Видно такъ же, что Евреи имѣли стихи въ родѣ Акросишій, въ коихъ первая часть стиха даже до пресѣченія начиналась одною буквою, а вторая часть послѣ пресѣченія другою по азбучному порядку. Одно что можно признавъ за нѣкоторое правило въ составленіи Еврейскихъ Акросишій, есть то, что здѣсь въ каждомъ стихѣ смыслъ возвышается до пресѣченія, а оканчивается въ послѣдней части. Но какимъ бы образомъ ни оканчивался стихъ, нигдѣ нельзя найти постоянной и правильной рѣзны, которая бы могла увѣрить, что Поэзія древнихъ Евреевъ была въ рѣзняхъ.

И такъ, ежели со вниманіемъ разсмотримъ всѣ обстоятельствова, предложенныя здѣсь, относительно къ древней Еврейской Поэзіи; то кажется не лѣзя имѣть объ ней другаго понятія, какъ слѣдующее. Сущность Поэзіи, какъ извѣстно, состоитъ наипаче въ родѣ рѣчи живой, воодушевленной, патетической, украшенной счастливымъ подраженіемъ изящной природѣ, и всякаго рода фигурами смѣлыми и порывистыми. И какъ механизмъ стиха самъ по себѣ не дѣлаетъ достоинства въ Писаніи; такъ равно и одинъ размѣръ стихъ не составляетъ еще Поэзіи. Такимъ образомъ говоря, что Платонъ, Флоръ, Геродотъ и другіе нѣкоторые изъ древнихъ были Писатели въ Прозѣ. Квинтилианъ сказалъ о Луканѣ, что

сей Пійтъ лучше можетъ причисленъ быть къ числу ораторовъ, нежели стихотворцевъ. *Magis Oratoribus, quam Poetis annumerandus.*

Поэзію обыкновенно раздѣляютъ на природную и искусственную. Природная Поэзія столькожъ древня, кааъ и самые люди. Разсудокъ и хладнокровіе употребляютъ языкъ простой и способъ говорить прямой; но спрасъ изъясняется съ силою и живосцію. Выраженіе спремипельное, обороты рѣчи фигуральныя, возвышенность чувствованія соопвѣстственная величію и важности предмета, составляютъ свойство природной Поэзіи, которая привела Поэзію искусственную. Сія послѣдняя выражаетъ спрасъ и чувствованія съ шолікоюжъ силою и живосцію, какъ и природная Поэзія; но она ищетъ для сего словъ и выраженій отборныхъ, даетъ имъ нѣкоторый правильный размѣръ и паденіе пріятное. Вотъ все, чѣмъ различаются между собою та и другая. Можно сказать, что первая слѣдуетъ одному шолько вдохновенію пламеннаго чувствованія; а другая сверхъ шого руководствуется еще размышленіемъ и правилами.

Всякій народъ и всякая страна, такъ же каждый шемпераментъ и каждая спрасъ имѣетъ особенное свое краснорѣчіе и свою Поэзію природную. Негодованіе, гнѣвъ, радость, печаль, ненависть и любовь изображаются всегда способомъ живымъ и разительнымъ. Размышленіе и искусство идушъ уже по ихъ слѣдамъ. Природа первая начертываетъ

то, что искусство старается представить въ совершенствѣ изящнаго.

Поелику Поэзія и музыка у древнихъ составляли почти одну науку, и у нихъ не было ни одного Пѣснѣ, который бы въ то же время не былъ свѣдущъ и въ музыкѣ, опъ чего и называлось у нихъ дѣлать стихи, пѣть, а стихи назывались пѣснѣю или поэмою: по сему и о музыкѣ тоже можно сказать, что сказано о Поэзіи, то есть, что природная музыка предшествовала искусственной и произвела сію послѣднюю. Та и другая идуть къ одной цѣли, которая состоитъ въ томъ, чѣмъ выразить чувствованія души посредствомъ голоса и слова, и всѣ измѣненія оныхъ сдѣлать внятными и вразумительными для другихъ.

Можно видѣть, что прежде Мойсея были нѣкоторые оспашки сей древней природной Поэзіи, а именно въ томъ, что Ламехъ говорилъ своимъ женамъ. Быш. гл. 4. ст. 23. Въ благословеніи Ноевомъ, обращаемомъ къ Симу и Іафету, и въ проклятіи Ханаана. Быш. гл. 9. ст. 25, 26 и 27. Въ послѣднихъ словахъ Іакова къ своимъ сынамъ предъ его кончиною. Быш. гл. 29. и на конецъ во всей книгѣ Іова, ежели слѣдуя мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ предположить, что она написана прежде Мойсея. Всѣ сіи мѣста имѣють слогъ Пѣсническій, и служатъ доказательствомъ древности сей природной Поэзіи, о которой здѣсь говорится. Она вся состояла только въ образѣ изреченія, а не въ размѣрѣ слоговъ или стопъ.

Выраженія фигуральныя, возвышенныя и замысловатыя, гдѣ часпо одна и таже мысль повторається въ различныхъ оборотахъ, и гдѣ не рѣдко встрѣчаются риѣмы и согласныя паденія, но безъ всякаго приисканія; вопнъ характеръ Поэзіи древнихъ, прежде нежели она приведена въ правила.

Греки даже послѣ Гомера и Гезіода имѣли еще въ нѣкоторомъ употребленіи Поэзію природную. Діогенъ Лаерцій изреченія нѣкоторыхъ Греческихъ Мудрецовъ называетъ адоптею, то есть пѣсни. Казавбонъ увѣряетъ, что сего рода Поэзія наиболѣе существовала прежде временъ Гомера. Св. Климентъ Александрійскій Еврейскіе Псалмы, въ разсужденіи ихъ слога, сравниваетъ съ нѣкоторыми пѣснями, обыкновенно употреблявшимися у Грековъ при ихъ пиршествахъ, которыя назывались у нихъ scolіа. Это были стихи вольные и неправильные, въ которыхъ Пѣицы, ни мало не заботясь о мѣрѣ стиха и количествѣ слоговъ, выражали свою мысль живо и кратко.

Не лзя сумнѣваться, что Поэзія древнихъ Евреевъ не была сего рода. Не зная искусства и правилъ, они подражали природѣ, и по одному ея вдохновенію выражали свои мысли и движенія. Они говорили и писали пѣмъ живѣе и выразительнѣе, что ихъ чувствованія не встрѣчали еще пѣхъ затрудненій, которыя не рѣдко для малозначущей правильности угашаютъ весь жаръ пламеннаго восторга. Всѣ ихъ рѣчи, пѣсни, повѣствованія, излобы, увѣщанія, наставленія, предвѣщанія

не показывающъ въ себѣ ничего искусственнаго и принужденнаго; а пошому и способъ выраженія ихъ сполько простъ и силенъ, сполько прогашелемъ и изященъ.

Въ книгахъ Св. Писанія нигдѣ не примѣтно, чшобы сія Поэзія Евреевъ получила какую либо перемѣну. Во времена Давида, Исаи, Іереміи и Даніила она всегда является таже, какъ и во время Мойсея; даже тѣ пѣсни, которыя находимъ въ Новомъ Заѡвѣ, показывающъ потъ же вкусъ. Слѣдовательно, ежели бы Еврейская Поэзія была искусственная, то могла ли бы она оспаваться въ одномъ и томъ же видѣ, безъ всякаго усовершенствованія или измѣненія, въ продолженіе болѣе пысячи лѣтъ?

Въ то время, когда Мойсей писалъ свое Пятикнижіе, Поэзія не была еще приведена въ правила ни въ какой извѣстной странѣ свѣта. Халдеи и Египтяне, самые древнѣйшіе изъ просвѣщенныхъ народовъ, въ его время не показывали еще нималѣйшаго слѣда той правильной Поэзіи, которая сосшощъ въ извѣстномъ числѣ стопъ, въ опредѣленномъ количествѣ слоговъ долгихъ и крашкихъ, и въ паденіи стиха единообразномъ и единозвучномъ.

Первые между воспочными народами, открывшіе искусственную риѣму, прежде времени Магомета были Арабы; но они не дѣлали различія между долгими и короткими слогами. Греки не имѣютъ у себя правильныхъ стихотвореній древнѣе Гезіода и Гомера, ко-

порые жили послѣ Еврейскаго законодателя, спустя болѣе 600 лѣтъ. И шакъ можно ли предполагать, чѣобы Мойсей, Іовъ и Давидъ знали правильную Поэзію, и чѣобы Піипическое искусство находилось у однихъ только Евреевъ прежде, нежели могли имѣть объ немъ какое либо понятіе другіе народы?

Сверхъ того, ежели бы древніе Евреи имѣли родъ Поэзіи, приведенной въ искусство; то почему бы не могли открыть какихъ нибудь слѣдовъ онаго въ новѣйшія времена многие ученые люди, съ шолікимъ успѣхомъ разсматривавшіе происхождение и свойство восточныхъ языковъ? Ежели бы въ книгахъ Мойсея дѣйствительно находились Героическіе стихи; то почему бы всѣ прочіе, довольно знающіе Еврейскій языкъ, не усмотрѣли оныхъ шакъ же легко, какъ шѣкоторыя не многіе Писатели думали видѣть? и ежели бы наконецъ сіи стихи имѣли какую либо правильность въ измѣреніи, въ формѣ и паденіи; то можно ли помыслишь, чѣобы до сего времени никто шого не замѣтилъ и не означилъ свойственныхъ имъ правилъ? Даже нигдѣ ни въ Еврейскихъ сочиненіяхъ, ни въ Исторіи сего народа не находятъ ни одного мѣста и ни одного слова, изъ котораго бы можно заключить, что у нихъ были Піипы по искусству и званію.

Самый способъ, какимъ производились пѣснѣи Св. Писанія, служивъ доказательствомъ противъ мнѣніи шѣхъ, кои Еврейскую Поэзію признають за искусственную. Большая

часть сихъ пѣсней сдѣланы безъ приуготовленія, и произведены чрезъ внезапное и сверхъестественное вдохновеніе, которое не оставляло нисколько времени къ размышленію о правилахъ и искусствѣ.

Обыкновенные Пѣишы, для произведенія своихъ стиховъ выжидаютъ, такъ сказать, нѣкотораго жара воображенія, который они называютъ воспоргомъ. Ибо сей воспоргъ приходитъ къ нимъ не прежде, какъ послѣ довольнаго о своемъ предметѣ размышленія, и когда уже воображеніе ихъ наполнилось многими понятіями живыхъ и образовъ поразительныхъ. Кромѣ того имъ попребно еще нѣкоторое время, чтобы свои выраженія расположить надлежащимъ образомъ, и дать имъ извѣстную форму стиха. На противъ того въ священныхъ пѣвцахъ совсѣмъ не видно сего приуготовленія; они говорятъ внезапно, и изливаютъ пламень чувствованій своихъ при видѣ самаго предмета, ихъ поразившаго. Мойсей перешедши Чермное море, въ чудесную минушу спрашнаго погруженія Фараонова, потчасъ поетъ побѣдную пѣснь; Давидъ большую часть своихъ Псалмовъ составляетъ среди гоненій и близкихъ опасностей, въ которыхъ не было времени обращать вниманіе на правила стихосложенія.

Припомъ же многія пѣсни Св. Писанія составлены или женщинами, или такими лицами, кои не знали никакого ученія, и коихъ языкъ просто послужилъ органомъ Духа Святаго. Можно ли сказать, что они нечаянно

здѣлались Пѣнцами такими какъ Пиндаръ или Горацій, и сочинили свои Поэмы въ приемахъ по правиламъ стихотворства? Анна мать Самуилова, Девора, Юдиѣ, Товія, Богоматерь, Захарія, Симеонъ соспавили свои пѣсни вдругъ безъ всякаго приуготовленія и науки. Слѣдовательно ихъ Поэзія сама по себѣ была природная; хотя, въ отношеніи къ Божественному вдохновенію, она была выше всякаго искусства человѣческаго. Пусть покажутъ намъ различіе между пѣснями приведенныхъ лицъ, чуждыхъ всякаго ученія, и произведеніями Мойсея, Давида, Исаи, имѣвшихъ умъ гораздо просвѣщеннѣе, и кои могли бы знать искусство стихотворенія, ежели бы оное тогда существовало. Но поелику такого различія, относительно къ наружной формѣ произведеній, не видно; то сіе самое доказываетъ, что ихъ Поэзія была дѣйствительно природная. Ибо вдохновеніе Духа Святаго хотя возвышаетъ въ человѣкѣ мысль, просвѣщаетъ, оживотворяетъ; но оно неизмѣняетъ въ немъ обыкновеннаго и употребительнаго способа слова; и какъ въ просвѣщенномъ науками оно не отвергаетъ правилъ, такъ и въ неученомъ не открываетъ знаній человѣческаго искусства, каково есть стихосложеніе. Чтожъ касается до оныхъ выраженій живыхъ, разительныхъ, возвышенныхъ, образующихъ слогъ высокой Поэзіи въ Священныхъ произведеніяхъ; то и сіе обстоятельство не трудно согласить съ нашимъ мнѣніемъ, ежели, кромѣ сверхъ-естественнаго вдохновенія, принявъ въ разсужденіе

величественность самых предметовъ, и вкусъ восточныхъ народовъ къ изреченію пышному и великолѣпному.

Искусственная Поэзія по самой необходимости дѣлается принужденною. Она, чтобы привести въ извѣстную мѣру стихъ, должна безпрестанно обременять свое произведеніе переложеніями словъ и оборотами выраженія, неупотребительными въ обыкновенномъ языкѣ, а иногда, для наполненія опредѣленныхъ пространствъ, по нуждѣ вводитъ слова излишнія, растягивающія мысль; а особливо когда стихъ не имѣетъ довольно времени обработать свой стихъ. Но въ Поэзіи Евреевъ нигдѣ не видно подобныхъ затрудненій. У нихъ непримѣтно сихъ пріисканныхъ эпитетовъ, сихъ переложеній, запутывающихъ смыслъ, сихъ надурыхъ перифразовъ, служащихъ не столько къ красотѣ, сколько къ размѣру стиха, какіе встрѣчаются вездѣ въ Греческихъ и Латинскихъ Поэмахъ. Ежели находятъ иногда въ выраженіяхъ ихъ обороты необыкновенные; то это потому, что слогъ водушевленный, высокій и патетическій священныя пѣсней естественнаго пріемлетъ фразы пышныя и чрезвычайныя. Такой образъ рѣчи часто придаетъ мыслямъ ихъ величіе и важность.

Способъ, какимъ Евреи поютъ въ своихъ Синагогахъ, читая текстъ Св. Писанія, не есть новый, поелику самые знаки, наблюдаемые ими въ словахъ для возвышенія и пониженія голоса, принадлежатъ къ глубокой древности; слѣдовательно самая привязанность

ихъ къ сему способу произношенія есть уже не маловажное доказательство, что они придерживаются пѣнія древнихъ Евреевъ. Но какъ такой напѣвъ можетъ приличесгвовать не только сѣхамъ, но и всякой простой рѣчи; то изъ сего ничего не лзя заключить въ пользу риѣмы, или мѣры въ пѣхъ Еврейскихъ произведеніяхъ, кои у насъ называются священными пѣснями.

И такъ весьма вѣроятно, что вся Поэзія древнихъ Евреевъ заключалась только въ величіи, благородствѣ и возвышенности мысли и слога; въ выраженіяхъ смѣлыхъ, въ порывахъ живыхъ и прогательныхъ, въ оборотахъ сильныхъ и простыхъ, въ картинахъ блистательныхъ и поразительныхъ, въ цвѣтахъ, способныхъ изобразить предметъ болѣе, нежели рѣчь обыкновенная. Ихъ Поэмы представляють собою произведенія Генія счастливаго, воспламененнаго вдохновеніемъ Божественнымъ, который въ своемъ воспоргѣ парилъ свободно, не будучи окованъ узами правилъ.

Евреи никогда не любили вводить у себя что нибудь новое, и не имѣли столько тонкаго вкуса, какъ Греки и Римляне. Слѣдовательно они всегда придерживались древняго способа Поэзіи природной и простой, которую употребляли по большей части для предметовъ священныхъ, и не старались упомчашь ее искусствомъ и правилами.

ДВА ПИСЬМА,

О приведеніи въ порядокъ Республики,
писанныя къ К. Цесарю К. К. Саллю-
стіемъ (*).

ПИСЬМО Іе (обыкновенно пос-
лѣднимъ называемое).

І. Извѣстно мнѣ, сколь трудно и самымъ дѣломъ опасно давать совѣтъ Царю или Императору, да даже и всякому смертному, достигшему великаго могущества: хотябы и совѣтующіе имѣли шакъ же нѣкоторую силу; никто въ разсужденіи будущаго не можетъ быть ни довольно предусмотрителенъ, ни довольно благоразуменъ, и часто злые совѣты болѣе успѣваютъ, нежели добрые; поелику

(*) Сіи два письма, (а не рѣчи, какъ ихъ просто называли), по извѣстнымъ признакамъ, должны быть въ такомъ порядкѣ, какъ здѣсь напечатаны; ибо въ томъ, которое обыкновенно называется первымъ, Сочинитель говоритъ о Домиціи и Бибулѣ, какъ бы они находились еще въ живыхъ, а смерть ихъ послѣдовала около Фарсальской битвы; другое же писано къ Цесарю кажется уже по окончаніи войны Македонской противъ Помпея и когда онъ поспѣшалъ въ Испанію, или же находился еще въ Азіи. Оба сіи письма, (взятыя съ прочими сочиненіями Саллюстія изъ рукописи Ватикан-

Форшуна управляетъ многими дѣлами по своей волѣ. Съ самаго юношества родилась во мнѣ охота править Республикою: почему для познанія оныя долго и великое прилагалъ я стараніе: и сіе не для того, что бы только властѣ восхищитъ, кою многіе злоумышленными происками доспигли: но паче для того, дабы снискавъ познаніе о гражданскомъ и военномъ устройствѣ Республики и сколь сильна она оружіемъ, людьми, богатствомъ. Такимъ образомъ я по долгомъ съ самимъ собою размышленіи вознамѣрился извѣстность мою и скромность подчинитъ швоему достоинству, и испытавъ все, лишь бы только возрасла опъ того швоя слава; и сіе предпринялъ я не безразсудно или взирая на швое счастье: но поелику открылъ въ шебѣ единственное и удивительное свойство болѣе въ злополучныхъ, нежели въ щасливыхъ произше-

ской Помпоніемъ Летою въ первой разѣ въ 1490 году изданной), естли не Саллюстіевы, то весьма достойны пера его и писаны мужемъ остроумнѣйшимъ; первое (такъ начинающееся *извѣстно мнѣ* и проч.) красивѣе, яснѣе и заключаетъ въ себѣ невѣроятное въ управленіи дѣлъ внутреннихъ познаніе и благоразуміе гражданское, другоеже не столько красотами обильное, но съ большею откровенностію и имѣетъ слогъ подлинно Саллюстіанской. Что никто, сколько извѣстно, изъ древнихъ Грамматииковъ не упоминаетъ о томъ, что письма сіи писаны Саллюстіемъ; сіе только доказываетъ неизвѣстность ихъ въ тогдашнее время; поелику и слогъ и самыя свойства Саллюстіева остроумія, примѣчаемыя въ нихъ, могутъ оправдать наше мнѣніе.

спвіяхъ, имѣшь духъ возвышенный. Довольно другіе уже возвеличили то, что смерпные превознося и удивляясь твоей щедрости, болѣе упомялись, нежели ты содѣлывая то, что славы достойно.

II. Я почипаю за непреложное, что нѣтъ ничего споль опдаленнаго чего бы ты вдругъ не обнималъ мыслию. И здѣсь не видѣнное побою я излагаю о Республикѣ, поелику тогда намѣреніе мое и дарованіе болѣе бы оправданы были; но я вознамѣрился говорить тебѣ среди военныхъ занятій, среди битвъ, побѣдъ, верховной власти — объ управленіи дѣлъ гражданскихъ. Ибо если ты шѣмъ только преднамѣреніе свое ограничиваешь, что бы опъ нападенія непріятелей усранишь, или какимъ образомъ какому сопернику пропивупоставишь благосклонность народа: не достойное доблести твоей мыслишь. Если же въ тебѣ все пошъ же духъ, который съ самага начала заговоръ Дворянства разрушилъ, народъ Римскій изъ пѣжкаго рабства вывелъ на свободу, въ Препорствѣ враговъ вооруженныхъ разсѣялъ безъ оружія, въ мирѣ и въ войнѣ поликіе и споль знаменитые совершилъ подвиги, что даже враги ни очемъ больше не дерзають говорить, кромѣ твоего великодушія: то удостоишь приняты то, что скажу о верховной власти въ Республикѣ, и что ты безъ сумнѣнія признаешь за истинну, или весьма близко къ ней подходящимъ.

III. Но поелику Кн. Помпей или по слабости духа, или пошому, что ничего не желалъ, кро-

мѣ только себѣ вредить, до того упалъ, что въ руки враговъ своихъ далъ пропиту себя оружіе: то чѣмъ онъ разрушилъ Республику, тѣмъ же предлежитъ себѣ возстановить оную. Прежде всего верховную власть въ подахъ, расходахъ, судилищахъ, вручилъ немногимъ Сенаторамъ; народъ Римскій, у коего прежде была власть верховная такими узаконеніями въ рабствѣ оставилъ. Хотя судилища по прежнему прѣмъ классами ограничены: однако тѣже самые мятежники управляющъ, дающъ, отнимающъ что угодно; невинныхъ обходя своихъ на честь возводящъ. Ни злодѣянія, ни безславіе, ни позоръ не прѣпятствуютъ, лишь бы только власти доспигнуть: гдѣ только есть прибыль грабятъ и похищаютъ: наконецъ, какъ будто въ побѣжденномъ городѣ, распутство и своеволие вмѣсто закона употребляютъ. Меньшая бы горестъ постигла душу мою, если бы они мужествомъ приобрѣтенную побѣду, по обычаю своему, рабствомъ удовлетворяли. Но бывъ самые недѣятельные люди, коихъ вся сила и мужество на языкѣ только существуютъ, даже власть, полученную ими, по небреженію другаго, неистово употребляютъ. Ибо какое когда возмущеніе и раздоръ гражданской до корня изстребилъ столько и столько значныхъ фамилій? или когда и чей либо духъ при побѣдѣ столько коловратенъ и неумѣренъ былъ?

IV. Л. Силла, коему послѣ побѣды все по праву войны позволялось, хотя мнилъ спорону свою подкрѣпить казню враговъ: однако

по умерщвленіи нѣкоторыхъ, прочихъ благо-
дѣяніемъ паче, нежели страхомъ возжелалъ
удержать при себѣ. Но нынѣ отъ бунтующихъ съ Капономъ, Люціемъ Домиціемъ и
другими ихъ единомышленниками сорокъ Се-
напоровъ, сверхъ того многіе съ хорошею
надеждою юноши, подобно скотамъ, закланы.
Между тѣмъ, какъ безпокойнѣйшая часть лю-
дей кровію сполькихъ несчастныхъ гражданъ
не могла насытиться: ни сиротство дѣшей,
ни преклонной вѣкъ родителей, ни спенанія
мужей, ни вопль женъ не могли укротить
безчеловѣчной души ихъ, и они со дня на день
словомъ и дѣломъ поступая жесточе иныхъ
достоинства, другихъ сообщества, лишитъ
спарались. Но что я изреку о тебѣ, для без-
славія коего презрѣннѣйшіе люди жизни своей
не пощадили бы? то, что для нихъ не столько
удовольствія самое ихъ господствованіе при-
носитъ, сколько швое достоинство причи-
няетъ досады. Они преимущественно жела-
ютъ приобрести себѣ свободу изъ швоего не-
щастія, нежели что бы ты великую власть
Римскаго народа еще болѣе увеличилъ. А по-
тому тебѣ предлежитъ вяще и вяще преду-
смащивать, какимъ образомъ дѣла устано-
вить и утвердить. Я не спрашусь изректи
предъ тобою все, что только мнѣ о семъ
предметѣ извѣстно, но швоего благоразумія
будетъ дѣло избрать то, что самою вещью
справедливымъ и полезнымъ признаешь.

V. Я полагаю, что общество должно быть
раздѣлено на двѣ части, какъ то было у пред-

зовъ нашихъ, на старѣйшинъ и народъ. Въ прежнія времена верховная власть была у старѣйшинъ, но гораздо большая сила у народа. Такимъ образомъ часно въ обществѣ случались споры и всегда сила дворянства уменьшалась, а право народа возрастало. Народъ дѣйствовалъ поному свободно, что не было никакой власти выше законовъ; и дворянинъ не богатствами, не спесью, но доброю славою и мужественными поступками предварялъ неблагого: самаго низкаго званія кто либо въ военной или гражданской службѣ, оправданной во всемъ честности, хорошій былъ и самъ по себѣ и для опечества гражданъ. Но когда они мало по малу были изгнаны въ поля, бездѣйствіе и бѣдность овладѣли ими, начали желать чуждаго имущества, и свободу свою продавать вмѣстѣ съ Республикою. Такимъ образомъ нечувствительно народъ, который былъ владыкою и повелѣвалъ всѣмъ народамъ, упалъ: и вмѣсто всеобщей власти произвелъ для себя частное рабство. Хотя таковая чернь вопервыхъ злыми нравами напоенная, попомъ на разныя роды жизни и ремесла раздѣленная, ни въ чемъ между собою несходствующая, кажется мнѣ мало способнымъ орудіемъ для образованія Республики; однако прибавивши новыхъ гражданъ я имѣю великую надежду на возможность, что всѣ они пробудятся для свободы; какъ тѣ будущъ имѣтъ попеченіе, чтобы удержатъ свободу, такъ и сіи, чтобы вышши изъ рабства. Сихъ по, мню я новыхъ гражданъ смѣшавъ съ прежними, ты долженъ

поселить въ колоніяхъ: такимъ образомъ не будешь недоспаѣнка въ дѣлѣ военномъ, и народъ часпными упражненіями заняшый переспанетъ дѣлать зло публичное.

VI. Я знаю и предвижу какое, при совершеніи сего волнованіе, какія безпокойства ошъ Дворянъ произойти должны, когда они вознегодуюшъ, что все до основанія смѣшано, что древнимъ гражданамъ налагается рабство, и что наконецъ тамъ, гдѣ могущеспвомъ одного многочисленная чернь въ число гражданъ принимается, свободное онаго правленіе должно превратиться въ единовластіе. Однакожъ я такъ въ душѣ моей чувспвую, что шотъ самъ себѣ злодѣй, кто со вредомъ Республики себѣ выгоду приобрѣсти спарается, тамъ, гдѣ благо общеспвенное раждаетъ изъ себя и частное благо; достигнушъ сего одѣ лишь безразсудство и лѣноспъ посумняшся. Маркъ Ливій Друзъ всегда имѣлъ намѣреніе, что бы Дворянство въ судилищахъ имѣло великую силу: и никогда прежде ничего не начиналъ еспъли не Дворяне были шого содѣтели. Но безпокойные люди, кои злоспъ и коварспво предпочипаюшъ честности, когда увидѣли, что одинъ человекъ многимъ смертнымъ великое благодѣяніе дѣлаетъ возымѣли о Маркѣ Ливіи Друзѣ мнѣніе равное, какъ и о себѣ, шо еспъ подумали, что и ошъ подобно имъ имѣетъ злую и клятвопресшупную душу. И шакъ спрашась, шобы чрезъ шоликое благодѣяніе одинъ не восхипилъ власпи, возспавъ прошивъ него, собспвенныя и его намѣренія смѣшали. Кошъ съ большею оспорожностію и

лучшей вѣрности должны быть избраны побою, Императоръ, друзья, и приготовлены средства надежнѣйшія.

VII. Не спрудно мужесвнному чловѣку попрашь врага явнаго: но добродѣтельный ни шайно разставляшь сѣпей на пагубу другихъ, ни избѣгаешь ихъ не можешь. И такъ еспли ты оныхъ приведешь въ общество, поелику въ томъ числѣ и чернь заключаешья будетъ, къ тому наипаче долженъ спремиться духъ швой, чшобы всегда были добрые нравы, возникло согласіе между древними и новыми. Но и того вящее приготовишь благо опечесству, граждамамъ, себѣ, попомкамъ, наконецъ всему чловѣческому роду, еспли испребишь жадность къ деньгамъ, или уменьшишь оную по обстоятельспвамъ. Безъ сего ничаспныя, ни публичныя дѣла, ни миръ, ни война надлежащаго порядка имѣшь небудущъ; ибо шамъ гдѣ жадность къ богатству овладѣла смерпными; ни науки, ни изящныя художества, никакой либо шворческой духъ чшо либо возмощетъ. Но раньше или позже помуже подвергнется. Чашо я слышалъ, сколько Царей, сколько обществъ и народовъ, кои потерпели чрезъ богатство свое могущество, и сколько бѣдные мужеспвомъ приобрѣли онаго. И сіе неудивительно. Ибо когда добродѣтельный видишь развратнаго чловѣка, сдѣлавшагося болѣе извѣспнымъ и еспми уважаемымъ чрезъ свое богатство, сперва негодуешь и въ мысляхъ своихъ беспокоишься: но когда со дня на день слава болѣе и болѣе предпочипается чешности, богатство превозмощаетъ надъ муже-

ствомъ, тогда духъ опъ честности къ роскоши уклоняется и слава находитъ пищу въ проискахъ; безъ сего добродѣтель сама по себѣ горька и груба покажется. Наконецъ тамъ гдѣ богатства преимуществуютъ, всѣ блага за ничто вѣняются, вѣрность, честность спыдъ, благоприсойность. Ибо дикой и прудной путь ведетъ къ добродѣтели: для собиранія денегъ, всякой какую кому угодно дорогу избираетъ; онѣ приобретаются и честными и постыдными средствами. Слѣдовательно прежде всего уничтожь власнѣ денегъ, тогда никто о жизни и чести, соразмѣрно богатству, судить не будетъ: ежели ни Преторъ, ни Консулъ, не по богатству, а по истинному достоинству избираемъ будетъ. Но о правительствѣ народъ легко судитъ; избираетъ Суддей изъ немногаго числа справедливо; по деньгамъ безчестно. Почему пошребно, что бы всѣ первые классы въ судопроизводствѣ участвовали, и въ большемъ числѣ, нежели нынѣ; (Родійцы и другія общества никогда не жаловались на свои судилища, въ которыхъ безъ разбору богачи и бѣдные и всякой, на кого шолько палъ жребій, равно о самыхъ важныхъ, какъ и малѣйшихъ вещахъ разсуждаютъ. Но о выборѣ правителей нѣсколько не нравится мнѣ законъ, изданный К. Тракхомъ въ бытность его Трибуномъ, что бы смѣшавъ всѣ пять классовъ, по жребію сотни были назначаемы). Такимъ образомъ бывъ сравнены достоинствомъ, деньгами, мужествомъ одинъ другаго предупреждать спараться будетъ.

VIII. Ниже великія средства противу богатшпвъ я поспановляю; ибо всѣ вещи равно похвальны и желательны, смотря по ихъ употребленію. Лукавство наградами питаеѣся. Опнѣвъ оныя нѣкто произвольно въроломнымъ не будетъ. Впрочемъ *корыстолюбіе* какъ люпой и неукропимой звѣрь, не должно быть перпимо; куда оно ни проспреть свои желанія, вездѣ грады, поля, храмы и дома опустошаеѣтъ: Божеское съ человѣческимъ смѣшиваеѣтъ: ни войски, ни огражденія силы его удержашъ не могутъ: оно всѣхъ смерпныхъ лишаеѣтъ славы, честности, дѣшей, опечесства и родителей. Но таковая великая сила корыстолюбія, по опнѣтіи прелеспи денегъ, удобно добрыми нравами препобѣдѣнся. И что сіе подлинно пакъ бытъ можетъ, всѣ добродѣтельные и злонравные сознають. Но едва меньшая предлежѣтъ шебъ борьба съ заговорами Дворянъ; и ежели коварства ихъ избѣжишь, то все прочее удобнѣе будетъ. Ибо они еспѣли бы болѣе имѣли добродѣтелей, гораздо бы больше ревновали о благѣ, нежели оному завистпвовали. Ими овладѣла безпечность, лѣность, нечувствѣтельность и бездѣйствіе, опъ чего они шумящъ, поносящъ, и добрую славу другихъ себѣ въ позоръ вмѣняють.

IX. Но къ чему я о многомъ, какъ о неизвѣстномъ припоминаю? Мужесство ли и крѣпость духа возвели М. Бибула на Консульство? нѣтъ языкъ невразумительный, умъ болѣе коварный, нежели оспрый на что дерзаетъ шопъ, кому Консульское достоинство, власпъ высочайшая, была величайшимъ безчестіемъ?

Часть II.

уже ли Люцій Домицій имѣетъ великую силу? шопъ у котораго нѣтъ ни одного члена подлымъ дѣломъ или злодѣянiемъ неоскверненнаго? языкъ лживой, руки хищныя, ноги бѣгсшвомъ извѣсныя; даже и то, что честнымъ назваться не можешь, безчестнѣйшее. Одного лишь М. Капона за умъ оборотливый, говорливой, хитрой презрѣшь едва можно. Качества сіи внушаются насипавленіями Грековъ, но сами они ни мужества, ни бодрости, ни подвиговъ никакихъ не имѣютъ. Ибо когда они свободу свою по лѣности потеряли; то можно ли мыслить, чтобы правилами своими могли научить управлять Имперією? Прочіе изъ недовольныхъ суть лѣнливѣйшіе Дворяне, у коихъ, подобно какъ у спашуй, кромѣ имени, никакого нѣтъ приложенія. А. Постумій и М. Фавоній, по моему мнѣнію, уподобляются излишнему бремени корабля. Гдѣ нѣтъ никакой опасности, тамъ они употреблены быть могутъ: но гдѣ какая либо трудность встрѣпится, тамъ найпаче объ нихъ имѣтъ попеченіе надобно, ибо сами по себѣ ничего не значатъ.

Х. До сихъ поръ разсуждалъ я о преобразованіи и исправленіи народа: теперъ буду говорить о томъ, что тебѣ съ Сенатомъ предложитъ дѣлать. Достигнувъ возраста въ лѣтахъ и разумъ, мало упражнялъ я тѣло мое во владѣнн оружіемъ и верховой ѣздѣ, но разумъ питалъ науками: Что природа имѣетъ прочнѣйшаго, на то посвящалъ я труды мои. Тогда то многое читая и слыша открылъ я, что всѣ области, грады, народы, дополъ ща-

спливо управляются, доколь справедливыя совѣщанія у нихъ преимуществуютъ; а гдѣ зорысть, спрахъ, роскошь расплѣвають оныя, тамъ скоро по уменьшеніи богатствъ, оплещается власть, и наконецъ рабство возникаетъ. По сему я такъ въ душѣ моей полагаю, что тому въ обществѣ, кѣмъ важнѣе и знатнѣе другихъ мѣсто занимаетъ, великое ищаніе прилагать должно о Республикѣ. Ибо другіе, при безопасности града, только о цѣлости своей свободы заботятся; кѣмъ мужествомъ приобрѣлъ себѣ богатства, знатность, почести, шого духъ, при малой наклонности Республики къ возмущенію, многообразными заботами и прудами удручается, силясь защитить или славу, или свободу, или дѣла частныя. Ему потребно вездѣ быть, во всемъ поспѣшать: и чѣмъ больше во время благосостоянія процвѣтала, тѣмъ больше и вѣще въ превратности онаго безпокойствомъ терзается. И такъ гдѣ народъ Сенату, подобно какъ тѣло душѣ, повинуется и поспановленія онаго исполняетъ, тамъ прилично, чтобы совѣщанія Сенаторовъ преимуществовали, народная же распоропность излишна. Такимъ образомъ предки наши, будучи угнѣтаемы жесточайшими войнами, и потеревъ конницу, солдатъ, казну, никогда не преспавали вооруженію рукою защищать Имперію. Ни скудость казнохранилища, ни сила враговъ, ни нещастія, великаго духа ихъ не покоряли, такъ что, приобрѣщенное мужествомъ вмѣстѣ съ жизнію сберегали. Всѣ сіе совершенно ими болѣе посредствомъ прочныхъ совѣщаній,

нежели сколько удачными битвами. Сверхъ того у нихъ была въ виду одна Республика, о ея полько благѣ они пекались; ежели иногда были и мятежны, то единственно пропиту неприятелей: каждой тѣлесными и душевными способностями жерпвовалъ опечеству, а не для своей силы. Но и въ сіе время, вопреки толикихъ подвиговъ возспавали Дворяне, коихъ духъ напоенъ былъ несогласіемъ ильностію, незнающіе шрудовъ, неприятелей, службы, въ домахъ только къ заговору приобыкшіе, по гордостии всѣми народами управляющіе.

XI. Такимъ образомъ, Сенаторы, на совѣщаніяхъ копорыхъ прежде Республика въ сумнипельныхъ случаяхъ ушверждалась, будучи угнѣтаемы, мяпущая и по приходамъ поспороннимъ то въ шу, то въ другую спорону склоняющія: между тѣмъ, въ одно время то, послѣ иное опредѣляющіе, смопря на голось тѣхъ, коихъ вражда и гордостъ владычествующъ: такимъ то образомъ они судили о благѣ и вредѣ общеспвенномъ. Но еспѣли бы или всѣ равною свободою пользовались, или приговоръ несполь былъ явень; то Республика имѣла бы больше могущества, и сила Дворянства уменьшилась бы. Но уравнишь выгоды всѣхъ шрудно: ибо когда слава, достоинство и покровипельство, основанныя на мужествѣ предковъ, предоставляются однимъ, то другая часть народа, отъ сего усшранена будетъ; чрезъ сіе приговоры Сенапа сдѣлаются безопаснѣе и каждая сторона могущество другой болѣе уважашъ спанешъ. Свобода пріа-

шна добрымъ и злымъ, и дѣтельнымъ и нерадивымъ. Подлинно, многіе по боязни пошеряли оную: безразсуднѣйшіе изъ смертныхъ, по одной лѣности, какъ побѣжденные, приѣмлюшъ рабство, не дожидаясь конца побѣды. И такъ мною двумя способами Сенатъ усилилъ: прибавкою числа Сенаторовъ и объявленіемъ голоса на табличкахъ. Табличка будешь закрипѣемъ, кто съ большею духа свободою дѣйствовать осмѣлился: въ простомъ народѣ и защиты больше, и знакомство обширнѣе; ибо въ сіи смутныя времена, почти всѣ, бывъ запущаны, или судилищами публичными, или въ собственнѣхъ дѣлахъ и друзей своихъ, едва здраво совѣщавали о выгодахъ Республики. И не столько попеченіе объ ней, сколько гордое властолюбіе занимало ихъ. Дворяне, съ небольшимъ числомъ Сенаторовъ, принадлежавшихъ къ заговору ихъ, что угодно одобряли, порицали, рѣшили, однимъ словомъ, все по своей волѣ дѣлали. По истиннѣ, когда по умноженіи числа Сенаторовъ, голоса объявляемы будуще на дощечкахъ, они умѣряшъ спесь свою, видя, что должно будетъ повиноваться тѣмъ, надъ коими прежде жестокое владычествовали.

ХІІ. Быть можешь, Императоръ, что ты прочитавъ сіи письма, пожелаешь знать, какому числу Сенаторовъ быть должно, какъ раздѣлишь Сенатъ по многимъ и различнымъ его обязанностямъ; ибо допустивши къ мѣстамъ Сенаторскимъ высшій классъ народа, нужно опредѣлишь порядокъ и число Сенаторовъ въ каждомъ родѣ дѣлъ. Описать это

вообще для меня было бы не трудно: но должно повидимому, прежде опредѣлительно сказать о главномъ намѣреніи, и доказать, что оно справедливо. Если для достиженія онаго сію спезю употребить позволишь, прочее не будешь затруднительно. Я хочу, чтобы самой опытъ оправдалъ и благоразуміе и великость моего намѣренія. Ибо тогда опъ всякаго удачно тобою совершеннаго предпріятія мнѣ будешь въ награду добрая слава. Но меня особенно занимаетъ сильное желаніе, дабы прежде всего, какимъ бы ни было образомъ, поддерживать Республику. Свобода для меня дороже славы, и поному я прошу, умоляю тебя, Свѣплѣйшій Императоръ, да покоривши народъ Галлскій, непустишь великой и непобѣдимой Имперіи народа Римскаго чакнуть отъ древности, и разрушаться отъ величайшаго несогласія. Подлинно, если сіе случится, ты не будешь имѣть покою ни днемъ ни ночью: но перзаемый угрызениями совѣсти, разъяренный и подобно лишенному ума неистовствовать будешь. Ибо то извѣстно, что Боги завидуютъ жизни смертныхъ: ни добрый, ни злой поступокъ каждаго въ ничто неумѣняется: но по сущности ихъ, добрыя или злыя слѣдуютъ за ними воздаянія. Однѣ раньше, другія позже: каждой по духу своему и по совѣсти надежду имѣешь.

XIII. Наконецъ если бы отечество и предки твои могли собесѣдовать съ тобою, они рекли бы тебѣ такъ: „о Кесарь! мы храбрыѣе мужи родили тебя, въ прекрасномъ городѣ, бывшемъ красотою и защишою для

насъ, ужасомъ врагамъ. Все то, что многи-
ми трудами и опасностями приобрѣли мы,
тебѣ при самомъ рожденіи съ жизнію вмѣ-
стѣ вручили, величайшее на землѣ опечест-
во, домъ, знаменитѣйшую породу; сверхъ то-
го изящныя искусства, честно снисканныя
богачества; наконецъ почести въ мирѣ, и на-
грады военныя. За таковыя величайшія благо-
дѣянія мы испрашиваемъ у тебя не позора,
не худого дѣянія; но да возставишь низло-
женную свободу. За таковой подвигъ несум-
нѣнно слава о твоёмъ мужествѣ промчится
у всѣхъ народовъ. Ибо въ сіи смутныя вре-
мена, хотя ты въ мирѣ и на войнѣ совер-
шилъ дѣла славныя; однако многіе храбрые
мужи въ славѣ съ тобою сравнятся мо-
гутъ. Но еслии градъ, именемъ славнѣйшій
и величайшую Имперію, близъ паденія сво-
его находящуюся возставишь; тогда никто
тебя знаменитѣ, никто больше на землѣ
не обратится. Но ежели же или опъ изнемо-
женія, или рокомъ паденіе Имперіи случи-
тся; кто усумнится, чтобы опъ того на зем-
номъ шарѣ опустошеніе, войны и убій-
ства не возродились? И такъ, еслии ты
возымѣешь доброе желаніе быть благодар-
нымъ Опечеству и Предкамъ; то возстанов-
леніемъ Республики приобрѣвъ славу паче
всѣхъ смертныхъ, въ грядущія времена
смерть твоя будетъ знаменитѣе жизни.
Ибо живыхъ иногда фортуна, зависть же
часто изнуряетъ: но по кончинѣ, поношенія
опъемяются, и одна добродѣтель вѣще воз-
носятся.“

Изложивъ сколько можно лучше все, что только казалось мнѣ полезнымъ въ исполненіи, и что могло послужить для твоего употребленія, умоляю безсмертныхъ Боговъ, да сіе, какимъ бы образомъ ты ни дѣйствовалъ, Тебѣ и Республикѣ благополучіемъ послужитъ!

Съ Лат. Д. Борзенковъ.

П И С Ь М О IIe. (обыкновенно
первымъ почитаемое).

I. Справедливымъ прежде почиталось мнѣ-
ніе, что fortuna раздаетъ Царства, власпи-
тельства, такъ же и другія вещи, за кото-
рыми люди съ жадностію стремятся: ибо
какъ то, такъ и другое часто было даро-
вано, какъ бы по прихоти, людямъ недостой-
нымъ. Ни одинъ однакожъ изъ шаковыхъ да-
ровъ постояннымъ не оставался. Но самой
опытѣ показалъ справедливостъ того, что
Аппій изобразилъ въ стихахъ своихъ, то есть,
что „всякъ своего щастія творецъ,, и на
тебѣ, Великій Мужъ, которой столько превзо-
шелъ другихъ, что люди слава подвиги свои
прежде испощаѣ силы, нежели ты, хвалы
достойное содѣлывая. Впрочемъ какъ хитро-
стію, такъ и мужествомъ снисканное шре-
буешь величайшаго попеченія; дабы опъ не-
бреженія необобразилось, или не разруши-
лось опъ слабости: Ибо никто по волѣ не
уступаетъ власпи другому: и хотя имѣющій
большую власпъ будешь добръ и милосивъ,
однако допуская зло, можешь опасности под-
вергнуться. Сіе случается, поелику многіе
власпители совсемъ напротивъ думаютъ, и
тѣмъ больше щитаютъ себя въ безопасно-
сти, чѣмъ тѣ, къмъ они повелѣваютъ, суть
злонравнѣ. А напротивъ, при собственной

доброшѣ и мужествомъ, всѣми силами спараться о томъ должно, что бы повелѣвать самыми лучшими гражданами. Ибо всякой развратной съ негодованіемъ видишь надъ собою правителя. Но для Тебя сіе паче всѣхъ прежде бывшихъ важнѣе, дабы привестъ въ спокойствіе все, оружіемъ приобретенное. Ты велъ войну умѣреннѣе, нежели другіе учреждали миръ; побѣдители обыкновенно ищутъ добычи; но твои побѣжденные — суть граждане. Тебѣ предлежитъ избѣжать сихъ трудностей; и въ послѣдствіи утвердишь Республику, не оружіемъ и не проливомъ враговъ только, но что гораздо болѣе и гораздо труднѣе, изящными искусствами, сими прекрасными плодами мира. Слѣдовательно для сего должно призвать въ помощь благоразуміе всякаго рода, и всякъ кто лучший способъ знаетъ, да предложитъ. Мнѣ же сіе такъ мнится, что ежели ны сдѣлаешь сносною побѣду, то и все прочее пойдешь хорошо.

II. Но какъ лучше и удобнѣе ты можешь учредитъ сіе, внемли вкратцѣ мое мнѣніе. Ты велъ войну, Императоръ, съ мужемъ знаменитымъ, богатѣйшимъ, алкавшимъ власти, болѣе щастливымъ, нежели мудрымъ: ему послѣдовали немногіе сдѣлавшіеся Тебѣ неприятелями по своимъ видамъ; Такъ же нѣ, коихъ родство или иная необходимость влекла къ тому. Ибо небыло ни одного, кто бы участвовалъ въ правленіи; и еслибы онъ могъ снести сіе, вселенная не была бы потрясена бранію: прочая толпа, больше по обычаю черни, нежели по разуму, и одинъ за другимъ,

какъ бы за благоразумнѣйшимъ, послѣдовали. Въ то время, люди, по злонамѣреннымъ внушеніямъ коварныхъ, обольщенные надеждою возобладать Республикою, люди, кои развращеніемъ и роскошію совершенно осквернены были, спешили въ спанъ швой; и явно мирнымъ жителямъ смертію, хищеніемъ, на послѣдокъ всемъ, что только развращенной духъ внушало имъ, угрожали: изъ сихъ большая часть, узрѣвъ, что ни чаемаго получить не могутъ, ни что Ты съ гражданами не поступаешь какъ съ неприятелями, удалилась: немногіе остались; и тѣ только, кои болѣе свободы въ спанѣ, нежели въ Римѣ, имѣть могли. Столько-то привлекала ихъ къ тебѣ надежда. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, ужасно сказать, какіе и сколь многіе послѣ перешли къ Помпею: и чрезъ все продолженіе войны къ нему, какъ бы къ нѣкому священному и неприкосновенному храму, имѣли прибѣжище.

III. И такъ, поелику ты долженъ дѣйствовать какъ побѣдитель на войнѣ и въ мирѣ, то въ первой поступи сколько можно челолюбивѣе, а въ послѣднемъ такъ, что бы оный былъ сколько можно справедливѣе и продолжительнѣе: начиная устроить сіе, помысли прежде о самомъ себѣ, какъ должно поступить наилучше. Впрочемъ я мню, что всѣ правительспва жестокія, больше трудны суть, нежели продолжительны; и нѣтъ никого столько страшнаго другимъ, которому бы такъ же многіе не наносили страха; такая жизнь есть вѣчная война, обоюдному жребію подверженная; ибо ни съ кою стороны безопа-

сну бытъ не можно, но всега опасностію на-
спрахомъ колебаться должно. Напрошивъ шѣ,
копторые власть свою благосклонностію и ме-
лостію сопровождающъ, повсюду веселіе и че-
стосердечіе воспрѣчающъ; Для таковыхъ са-
мые неприятели справедливе бывающъ, не-
жели для другихъ сограждане. Не ужели най-
дущся такіе, кои почтущъ меня за слова сѣ-
хулишелемъ швоея побѣды, или скажущъ, что
я слишкомъ благосклоненъ къ побѣжденнымъ?
то есть, что мы и часпо предки наши да-
ровали чуждымъ народамъ, опъ природы намъ
непріязненнымъ, то мно даровать должно
гражданамъ; а не варварски за убійство убій-
ствомъ, и кровію за кровь мспишь.

IV. Или то, за что недавно предъ сею
войною кричали на Помпея и побѣду Силлину,
предано уже забвенію? Домицій, Карбонъ,
Брутъ, такъ же и другіе невооруженные, не
на сраженіи по праву войны, но послѣ на ко-
лѣнахъ покорности свою изъясляющіе, умерщ-
влены съ величайшимъ злодѣйствомъ: и на-
родъ Римскій въ публичныхъ мѣстахъ, на подо-
біе скопа, былъ закалаемъ. Увы сколько сдѣ-
лано оныхъ шайныхъ погребеній, и неожидан-
ныхъ убійствъ гражданъ въ нѣдрахъ родите-
лей или дѣтей, какое бѣгство женъ и опро-
ковъ, разрабленіе домовъ! Прежде одержанной
побою побѣды, всё лютое и безчеловѣчное со-
вершалось. Но къ чему и тебя шѣже самые
склоняющъ? къ тому дабы подумали, что всѣ
обиды по произволению каждаго изъ васъ со-
вершались, и что ты не получилъ въ управ-
леніе Республику, но завладѣлъ оною и по-

тому войско, издержавши свое жалованье, обратило оружіе противу знавшихъ и древнейшихъ гражданъ, противу братьевъ и родственниковъ, даже нѣкоторые противу дѣтей своихъ; Дабы въ несчастіяхъ другихъ презрѣннейшіе изъ смертныхъ найти могли ненасытному сластолюбію своему пищу, и имѣть побѣду обратитъ въ поношеніе; позоръ таковыхъ помрачаетъ славу добрыхъ. Недумаю такъ же, чѣшбы ты упустилъ изъ виду, какимъ образомъ или съ какою умѣренностію каждой, когда еще сумнительна была побѣда, вѣль себя; и какъ нѣкоторые въ продолженіе самой войны студодѣйственные пиршества заводили; и это были такіе, коихъ возрасшъ ни въ свободное даже время, подобнаго сластолюбія безъ сраму допустить не могъ. Но о войнѣ довольно сказано.

V. При установленіи мира, о чемъ ты и соспрудники твои помышляете: разсмапривай, прошу, въпервыхъ, каковъ пошъ предметъ, о которомъ совѣщаешь: такимъ образомъ устранивши худое ошъ добраго, открытымъ путемъ шествуй къ истиннѣ. Мое мнѣніе такое: поелику всё родившееся погибаетъ, по равной участи подвергнешся и городъ Римъ, когда междоусобная брань возникнетъ; и такимъ образомъ граждане обезсиленные и изможденные сдѣлаются добычею какого нибудь царя или народа; а безъ сего ни вселенная, ни всѣ народы, собранные вмѣстѣ не могутъ поколебать сей Имперіи. И такъ должно водворить блага мира и изгнать зло несогласія. Сіе тогда воспослѣдуешь, когда опнинешся

свобода и разходовъ, и неправедныхъ спяжаній: не должно для сего прибѣгать къ возобновленію древнихъ успавовъ, копорые, опъ порчи нравовъ, давно посмѣшищемъ служатъ; но каждому, по его соспоянію, предѣль расходъ назначить: ибо нынѣ вошло въ обыкновеніе, что молодые люди, проживающъ свое и чужое сасплюбиво за ничто вмѣняющъ и опказывающъ пребованіямъ другихъ чшущъ за удовольствіе. Такую добродѣтель и великость души, равно спыдъ и умѣренность безрасудствомъ починающъ. Слѣдовательно неукротимый духъ, направляемый и пакъ путемъ развращеннымъ, шамъ гдѣ обыкновеннаго недоспапочно, будучи возбуждаемъ жадностью по на ближнихъ, по на гражданъ нападаетъ: нарушаетъ учрежденный порядокъ, и на щемъ древняго новаго ищетъ. Почему, чтобы каждой изъ насъ своимъ занимался, ростовщики да испребляющъ впредъ. Сей есшъ прямой и простой путь, народу, а не заимодавцамъ, доставивъ управление; и великость души, не опнятіемъ народныхъ выгодъ явивъ, а умноженіемъ.

VI. Я предвижу, сколь жестокимъ сіе покажется вначалѣ, особенно для пѣхъ, кои послѣ побѣды мнили получить больше позволенія и свободы, нежели ограниченія. Но если ты на ихъ благососпояніе паче, нежели на прихоти обратишь попеченіе, по ихъ и насъ при постоянномъ мирѣ, содѣлаешь друзьями. Но если пѣже приспраспія и развращъ юношества продолжася; по истиннѣ оная преизящная швоя слава скоро вмѣстѣ съ Римомъ

прейдесть Наконецъ мудрые ведутъ войну для мира, и переносятъ пруды въ надеждѣ имѣть покой. Если и ты онагоне водворишь поспоянно; что пользы побѣждашь илибыть побѣжденну? И такъ, по благосили Боговъ, прійми Республику и испреби, какъ тебѣ обычно естъ всѣ бѣдствія. Ибо или одинъ ты пособишь сему возможешь, или попеченіе о томъ должно всѣмъ оставить. Никто не склоняетъ тебя къ безмѣрнымъ казнямъ или жестокимъ приговорамъ, коими опустошается общество; но прекрати лишъ обманы разграба и пагубныя жалація въ юношестве. Тогда ты съ истинною милостію поступишь, когда граждане небудутъ изгоняемы изъ отечества безвинно; когда пресѣчешь пороки и ложныя увеселенія; когда миръ и согласіе утвердишь; напротивъ сего прощая разграбы, снисходя пресупленіямъ, съ насмѣящею радостію допустишь имѣющее скоро послѣдовать бѣдствіе.

VII. Весьма я надѣюсь на тебя въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ другіе великости предпріятія боятся, и что тебѣ предлежитъ землю и моря привести въ спокойствіе; полъ великой умъ малыми вещьми не занимается, и великіе пруды сопровождаются такою же наградою. И такъ устрой, что бы чернь, изпорченная щедрыми подаваніями и общественнымъ пропитаніемъ, имѣла собственныя занятія, которыя бы воспящали ей причинять зло обществу, что бы юношество о непорочности нравовъ и прилѣжаніи, а не о расходахъ и богатствѣ имѣло раченіе. Въ семъ

преуспѣешь, если употребленіе и превлекательность денегъ, какъ великую для всѣхъ пагубу пресѣчешь. Часто размышляя самъ съ собою о томъ, какими средствами знаменитые мужи приобрѣтали величіе, чѣмъ великіе основатели умножали народы и поколѣнія — наконецъ опъ какихъ причинъ обширнѣйшія Царства и Имперіи упали: всегда находилъ тѣ же блага и зла; что побѣдители презирали богатства, а побѣжденные оныхъ желали, и что никто смертный иначе возвысится — достигнуть божественнаго не можетъ, какъ презирая удовольствія тѣлесныя и богатства, и упражняя духъ; не поблажая, ниже прихотливыхъ желаній выполняя, превратною милостию благопріятствовашъ; но трудами, перпніемъ, добрыми правилами и мужественными подвигами занимающъ должно.

VIII. Ибо устройая домъ или помѣстье, и стараясь украситъ оныя гербами, балдахинами и другими искусственными работами, не для того всё это производитъ должно, что бы только однажды на нихъ взглянуть; шавъ же и при устройеніи Республики, не въ чести богатства имѣть, но самому для нихъ бичемъ быть должно. Далѣе — которые привыкли дважды въ день наполнять бркъ, ни одной ночи не проводятъ безъ сладострасія и гдѣ духу быть владыкою должно, рабствомъ опячашъ его; шакowe ослабивъ и изказивъ его никакъ послѣ не пожелающъ быть употреблены въ дѣло; ибо и себя и другихъ ввергли бы въ погибель. Сіе и всё зла вмѣстѣ съ чествованіемъ денегъ дѣйствительно пресланутъ.

когда ни въ правительствѣ, ни въ народѣ ничего продажнаго не будетъ. Къ сему должно прибавить попеченіе, какимъ образомъ Италію и Провинціи въ большую привести безопасность. Исполненіе сего очевидно. Ибо одни и шѣже все разоряютъ, свои дома оснавая, и чужіе насильно занимая. Да небудетъ шакъ же, какъ то доселѣ было, несправедливостъ или неравенство въ милиціи; ибо случилось, что иные придаютъ разъ несуть службу тогда, какъ другіе никакой. Такъ же шотъ провіантъ, коиморой прежде былъ наградою праздности, приличіе отпуская по муниципіямъ и колоніямъ, шѣмъ давать, въ бытность коихъ на службѣ дома пришли въ разореніе. Я изложилъ кратко все то, что щипалъ для Республики полезнымъ и для тебя славнымъ. Неизлишне кажется будетъ нѣчто сказать о моемъ поступкѣ. Многіе изъ смертныхъ имѣютъ способностъ къ разсужденію, но то скрываютъ; и подлинно у всѣхъ и каждого сильное есть желаніе охуждать поступки и слова чуждыя; но едва отверзаются чѣи либо уста, или употребляется языкъ для того, что бы сказать откровенно, что мыслятъ. Поступивши вопреки сему, я меньше сожалѣнія заслуживаю, нежели бы заслужилъ спыда умолчавши. Ибо симъ ли, или другимъ лучшимъ путемъ Ты будешь слѣдовать; я однакожъ сколько возможно сказалъ и къ шому способствовалъ. Напослѣдокъ остается желать, что бы все то, что тебѣ ни угодно, безсмертные Боги одобрили, и благополучно совершить благоволили.

Съ Лат. Дмитрій Борзенковъ.

Часть II.